

>Lorem ipsum ..

>Lorem ipsum ..

ИРИНА ЕНЦ *ИЗУМРУДНАЯ БЫЛЬ ТАЙГИ*

Ирина Юльевна Енц

Изумрудная была тайги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64861106

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-97170-7

Аннотация

Кто бы мог подумать, что обычный рейд на ликвидацию пожара в тайге превратится в ловушку. Станный старик ниоткуда, бандиты, охотящиеся за драгоценными камнями... Как найти путь к спасению? Трудные вопросы и отчаянные решения.. Кто поможет? Кто спасет?...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	42
Глава 7	51
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирина Енц

Изумрудная быль тайги

Друзьям моей юности посвящается

Пролог

Ноги не хотели подниматься. Каждый шаг давался с трудом. Чавкающая грязь не хотела отпускать свою добычу. Силы были почти на исходе. Я держалась только на одном упрямстве. Останавливаться нельзя. Затянет засосет и утащит в свое царство болотный водяной. Цветущий багульник дурманил голову и вызывал головокружение и ломоту в висках. Нужно как можно быстрее дойти до берега. Там можно будет передохнуть и немного отдышаться. Я не должна быть сейчас слабой. На меня смотрят шесть пар глаз. Я не могу, не имею права их подвести.

Глава 1

Вертолет гремя своими лопастями, разрывая воздух на части, как огромная стрекоза сел на площадку. Открылись двери и семерых человек проглотило его железное брюхо. Пожары в тайге в это время года – обычное дело. Как минимум четыре раза в неделю мы вылетали на их ликвидацию. Днем работали на практике, а после 4 часов дня прилетал вертолет и забирал добровольцев на борьбу с огнем. Пожар в тайге – это не просто катастрофа. Это конец. Конец жизни. Умирает целый мир. Голодный зверь бушующего пламени пожирает все живое. Невозможно удержать, невозможно напугать, трудно остановить.

Нас высадили за несколько километров от фронта огня. Кирки, лопаты и фляга с питьевой водой. Вот и все наше снаряжение. В нашу задачу входило создание минерализованной полосы шириной в 4 штыка лопаты. Очень незначительное препятствие для лютующего пламени. Но при отсутствии ветра шанс остановить низовой пожар был. Времени было мало. Мы растянулись цепочкой и принялись вгрызаться в неподатливую каменистую почву уральского хребта. Это было обычной рутинной работой. Основной заслон обеспечивали профессионалы. А мы, студенты, вносили свою небольшую лепту в тушение пожара. Кто-то должен был делать и эту работу. Технике сюда было не добраться.

Отсутствие дорог и сложность рельефа делали эту местность совершенно недоступной. А кругом болота, полные горючего торфа. Если пламя доберется до них, тогда это не потушить никакими средствами. Иногда болота в тайге горят по несколько лет подряд, являясь постоянным источником новых и страшных таежных пожаров. Мы уже закончили одну полосу и приступили к следующему кольцу. На отдых времени не было. Мы только позволили себе сделать несколько глотков воды и, как заведенные механизмы, продолжили стучать кирками о камень. Уже был слышен звук приближающегося огненного зверя. Ощущался жар его дыхания. Дым разъедал глаза и мешал дышать. Нас было семеро, пятеро парней и две девчонки. Наташка была самой младшей из нас и самой слабенькой. Худенькая, хрупкая, как первый весенний ландыш. Черные волосы подстрижены коротко. И она нетерпеливым движением все время поправляет непослушные прядки. Темно-карие глаза смотрят на мир с каким-то детским изумлением, в постоянном ожидании чуда. Ее ладошки распухли от мозолей и покраснели. Но она мужественно терпела. И только иногда тихонечко ойкала, когда черенок лопаты причинял уже нестерпимую боль. Это был наш фронт, наша война. И мы чувствовали себя солдатами. Конечно, многим это бы показалось бредом. Но мы были воспитаны на патриотических лозунгах Советского Союза. И одним из них был: «Кто, если не ты». И мы сражались на своей маленькой войне, испытывая себя на прочность, про-

веряя на деле значение слова «друг». Но когда мы уставшие, измученные с красными от дыма глазами, с лопнувшими на ладонях мозолями возвращались на базу, мы чувствовали себя героями и победителями.

Огонь уже совсем близко подобрался к нашей первой полосе. Вкрадчиво и коварно, как ядовитая змея он подползал к краю полосы и рассержено отползал, злобно шипя и плюясь искрами. Не находя пищи для своего дальнейшего продвижения, он кидался с остервенением назад, с жадностью набрасываясь на то, что еще осталось от его первого натиска. Вот он тихими щупальцами подкрался к маленькой сопке, поросшей молодым зеленым ельником. Елочки в страхе прижались друг к другу и испуганно замерли. Огонь опоясал плотным кольцом всю сопку и, «бах!!!», раздался мощный хлопок, и нежная зелень в несколько секунд превратилась в мертвую черную дымящуюся кучу. Стало трудно дышать из-за отсутствия кислорода, который съело ненасытное пламя. Мы отошли назад и настороженно следили за попытками огня снова и снова переползти через нашу полосу. Одна часть полосы упиралась в большое нагромождение скал, а другая спускалась на дно сырого оврага. Там стояли травы выше пояса, почва была влажной. И огонь не мог преодолеть этой, природой созданной, минеральной полосы. Еще раньше, мы с Наташкой разорвали свои платки, чтобы сделать для всех примитивные респираторы. Мы бегали по всей протяженности нашей полосы и тушили, начинавшую загорать-

ся от огненных плевков, траву. Наталья в изнеможении опустилась на поваленное дерево ели и смотрела оттуда за нами, стараясь скоординировать наши метания и этим оказать сильную помощь. Не знаю, сколько прошло времени, но судя по цвету бледнеющего неба, приближался рассвет. Огонь наконец начал затихать и, вскоре, придавленный обильной предрассветной росой совсем угас. Наконец все было закончено и мы, как подкошенная трава, упали на влажную землю. Немного придя в себя, я начала осознавать, что скоро рассвет и, что за нами давно должны были прилететь. Но я не слышала звука вертолетных винтов. Я попыталась растолкать Вадима, который лежал ко мне ближе всех. У него были часы.

– Вадик, сколько времени? – Вадик что то промычал себе под нос и попытался вытащить руку с часами. Остальные не подавали вообще никаких признаков жизни. Я доползла до руки Вадима и посмотрела на фосфорный циферблат. Стрелки показывали половину шестого утра. Меня подбросило, как пружиной.

– Эй, народ!! Подъем! Время уже почти 6. Вертолет должен был прилететь в три.

По-видимому, моя информация дошла до уставших от бессонной ночи и эмоциональных перегрузок мозгов моих друзей. Потому что они начали вяло шевелиться, пытаясь придать своим телам горизонтальное сидячее положение. Я подождала, когда все устойчиво усядутся и повторила, что

говорила раньше. Эта информация всех привела в замешательство. Такого еще никогда не случалось. Нас всегда забрасывали и забирали в одно и то же время. Существовал четкий график полетов, который никогда не нарушался... если только что то не случилось очень серьезного. Об этом думать не хотелось. Но часы упрямо показывали почти шесть часов. И это было фактом. Мозги у всех лихорадочно заработали. Это было видно по выражению наших лиц. Только Наташка, сидя на поваленном дереве, переводила испуганный взгляд с одного на другого. Нас забросили километров за 80 от лагеря. Но это по прямой, как летит птица. А мы не были птицами. Вокруг тайга и довольно пересеченная местность. Горы, овраги, маленькие речки, болота и буреломы. Еды нет, карты нет, фонарей нет. Нет ничего, что необходимо для пребывания в тайге несколько дней. Черт!! Подсчитав наши пассивы, я быстро попыталась наскрести хоть какие-нибудь активы. У Андрея есть нож, с которым он не расстанется никогда, у Саши есть спички. Еду в тайге раздобыть летом не проблема. Конечно, это не жареный цыпленок, но продержаться какое-то время можно. Воды везде полно. Родники и маленькие речушки попадаются довольно часто. А о карте я не заботилась. Дело в том, что я обладала врожденным чувством направления, так называемым «волчьим глазом». Когда-то давно, я думала, что это у всех людей одинаково. Все так могут. И только когда я попала впервые в тайгу, я с большим изумлением обнаружила, что «волчьим глазом»

обладают далеко не все. Можно сказать даже, очень мало, кто этим обладает. Когда на первой практике в лесу, преподаватель строго настрого запретил нам отходить от машины, я поинтересовалась, почему такие строгости. Ведь не маленькие уже. Чего можно бояться. Он сурово посмотрел на меня и сказал: «Заблудитесь в тайге». Моему изумлению не было предела. Я совершенно искренне не могла понять, как это «заблудитесь». Причем, было интересно, что в закрытом помещении эта моя способность пропадала совершенно. И я могла заблудиться в любом коридоре, и, как маленький ребенок, становилась совершенно беспомощной. Что служило поводом для множества шуток и розыгрышей моих друзей. Все ребята знали об этой моей способности. И сейчас они уставились на меня с немим вопросом в глазах «Что делаем?». На моем лице наметилось просветление. Друзья слишком хорошо меня знали. Поэтому вопросов не последовало. Все было ясно. Вадим усмехнулся, встал с земли и посмотрел на меня сверху вниз.

– Ну, води нас, Сусанин». Наталья нерешительно посмотрела на меня:

– Но ведь мы не собираемся идти пешком обратно?

Ребята, сразу почувствовавшие себя взрослыми мужчинами, ответственными за слабый пол (меня почему-то к слабому полу они не причисляли. Может личиком не вышла или характером?) начали с ней разговаривать сюсюкающими голосами старших братьев. Они пытались ее убедить в необхо-

димости этого шага, ну и успокоить, конечно. Мол, все будет хорошо, и прочее в том же духе. Наталья еще слабо пыталась сопротивляться.

– Но за нами же спасателей пошлют? Нас ведь найдут?

Конечно, спасателей пошлют, если найдут куда их послать. Точный квадрат высадки знали только пилоты вертолета, потому что он корректируется только уже во время полета. В зависимости от того, где наша работа нужна больше всего. Очагов загорания всегда бывает несколько. А если с вертолетом что-то случилось... В общем, перспективы трудно было назвать радужными. А прочесывать всю тайгу, это... Найдут нас не скоро. А долго без еды нам не продержаться. Но в нашем активе был еще один самый главный фактор. Молодость. Дерзкая, смелая и неукротимая. Ощущение, что весь мир принадлежит нам, что нам сам черт-не брат! И нет такой силы, которая может нас укротить и что нам все подвластно и нет нерешаемых задач для нас в этом мире!

Глава 2

Я не любила ждать. Я предпочитала двигаться вперед, действовать. Мой энтузиазм был заразен. И вскоре, вся наша маленькая группа была готова к дороге. Наталья жалобно ойкнула. Еловая смола, растаявшая от тепла ее тела приклеила намертво ее к стволу дерева. Пришлось отлеплять, несчастную, всем коллективом. Наконец мы смогли идти. Я планировала пройти несколько часов, а потом сделать привал и немного всем поспать. Бессонные вторые сутки и тяжелая работа давали о себе знать тяжестью в ногах и голове. Но перед этим я хотела пройти хотя бы несколько километров. Просыпающаяся тайга летом – это удивительное и прекрасное зрелище..., если бы не комары и москиты. Пока мы были недалеко от пожарища, эти мелкие хищники нам не досаждали. Но стоило нам отойти от горельника на несколько километров, как тут же нам дали понять, кто в тайге хозяин. О том, чтобы присесть и отдохнуть, не могло быть и речи, без угрозы быть съеденными и растасканными на мелкие кусочки. Комаров еще можно было как-то пережить. Но москиты не давали ни малейшего шанса на передышку. Они залезали в уши, нос, глаза. И если кто-то хотел что-то сказать, то ему потом приходилось долго отплевываться и откашливаться. И мы во всей полноте прочувствовали жестокость наказания Зевсом несчастной Ио. Пока мы спускались с горки, идти

было легко. Почва твердая и каменистая, лес не очень густой, без мелкого подлеска. Солнышко ласково пригревало и все немного приободрились. Спустившись к подножью холма, мы напились холодной и сладкой воды из ручья, немного умылись. Жить сразу стало веселее. Но за спуском всегда следует подъем. А подъем оказался довольно сложным. Крутые скалистые выступы, каменные осыпи попадались все чаще. Все выдохлись уже на середине горы. Труднее всех было Наташке. Она еле передвигала ноги. Все чаще спотыкалась и несколько раз падала. Я обернулась к Саше, который шел за мной.

– Саш, помоги.

– Может остановимся отдохнуть? – он не хотел показаться слабым и, думаю, проклинал про себя мою выносливость.

– Нет. Надо дойти до вершины. Сядем здесь, не сможем подняться. А для отдыха место здесь неподходящее, комары съедят.

Говорить много было трудно. Нужно было беречь дыхание. Да и нечего было говорить. Все всё понимали. И мы упрямо поползли по склону вверх. Наконец вот она вершина. На ней нас ждала небольшая живописная полянка с низкой травой. Ветерок приятно обдувал наши лица, отгоняя от нас всю насекомую живность. Со вздохом, больше похожим на стон все повалились на траву.

– Ну ты и сдюга, Ирка, чистый зверь! Ты что, решила нас загнать совсем?

Произнеся эту пламенную речь, Вадим откинулся навзничь и притих.

– Спим 2 часа и подъем.

– А чего это только 2 часа? За нами что, кто-то гонится? Можно и больше отдохнуть.

Игорь ворчал больше по привычке. Ну, характер такой у человека. Я с усмешкой посмотрела на его хмурую физиономию.

– Больше двух часов отдохнем, потом не поднимемся. А идти, сам знаешь, не 3 километра. Надо держать себя в форме. Иначе не дойдем.

Спать не хотелось. Я села на большой валун, жевала травинку и думала. А подумать было о чем. Идти километров 100 или чуть больше. Хорошим ходом дня за четыре дойти можно. Только не все смогут идти таким темпом. Наталья совсем раскисла. В глазах испуг и губенки вон все время дрожат, как будто заплакать собирается. Но я ее знала лучше других. Она настоящий боец. И характер есть, куда там японским самураям до нее. Силенок только маловато. И еды никакой. Мальчишки все не слабенькие, за них я не волновалась. Ладно, сиди не сиди, думай не думай, а идти надо. Я решила осмотреть местность с высоты сопки, выбрать маршрут. Заодно прогуляюсь, может, быть ягод каких насобираю. На ходу всегда думается лучше. А внизу расстилалась тайга. Как бескрайний океан. Строгий, суровый и... прекрасный зеленый океан. Полный своих тайн и загадок, которые он не

раскрывал сразу и каждому. Сначала тайга присматривается к человеку, испытывает его на прочность, заглядывает в его сердце. И только после этого позволяет немного прикоснуться к ее душе.

От подножья холма километрах в пяти-семи, виднелась проплешина. Чахлые елки и сухие стволы напоминали картину из сказки по Бабу Ягу. Болото. Обойти бы надо, да крюк в сторону большой получается. Ладно, ближе подойдем, видно будет. Я набрела на небольшую полянку с брусникой. Ягода была еще не зрелой розовой, кисло-горьковатой. Но я знала, силы в ней много. Горсть ягод вполне может заменить суточный рацион. Голод утолит и бодрости предаст. Я сняла с себя куртку и стала ссыпать на нее ягоду. Я собирала всю ягоду подряд и розовую и зеленую. Все в дело. Зеленую бруснику потолочь на камнях и смазать раны и ожоги. Лучшего антисептика не найти. Тайга она и кормилица, и врач. Все найти можно, если знать, что и где искать. Обобрав полянку, я вернулась к ребятам. Игорь не спал, лежал на спине и лениво жевал травинку.

– Ну чего тебе неймется? Ляг отдохни, поспи хоть минут тридцать. Я подежурю.

Я отсыпала ему немного брусники. Он взял горстку брусники в рот и тут же скривился.

– Отравить хочешь? Это же есть невозможно!

Я ничего не ответила. Мы были большими друзьями и понимали друг друга с полуслова. За свой ворчливый характер

и раннюю седину на висках, я прозвала его «дед». Прозвище прилипло к нему навсегда. И уже через месяц после поступления в институт его уже никто иначе не называл. Только вот всем так себя называть он не позволял. Только близким друзьям. Что сделаешь, характер. Я не заметила, как задремала. Ровно через 40 минут я открыла глаза. Будильник тоже был у меня в голове. Ребята спали. А Дед сидел на камне и что-то мастерил из гибких ивовых веток. Я поднялась и слабо охнула. Все мышцы стонали и ныли. Ничего, милая, это только начало. Терпи. Тихо подошла к Игорю и заглянула ему через плечо. Он мастерил маленькую корзинку. Корзинка была немного кривоватая, но вполне подходящая для небольшого запаса брусники, что я насобираала. Он лукаво на меня посмотрел, откинув со лба прядь темных волос. Затянул последний прутик на ручке и подал мне.

– Ты идти то без куртки по тайге как собираешься? А теперь вот, ссыпай сюда свою отраву.

Теплая волна благодарности нахлынула на меня. Но выражать свои чувства я не стала, чтобы не нарушать правила игры.

– Так ты у нас еще и Самоделкин, как я посмотрю. Что же ты свои таланты от друзей скрывал? Иди, Левша, буди ребят, двигаться пора.

Я села на его место и стала перебирать бруснику. Розовую ягоду – в корзинку, зеленую отдельно. К тому времени, как ребята встали, я уже превратила зеленую ягоду в каши-

цу, сложила ее на лист золотарника и пошла врачевать раны, у кого они были. Мальчишки пытались отбиваться от моего заботливого внимания. Но я была упряма и со мной спорить в такой ситуации было бесполезно. Не хватало нам еще сейчас загноившихся ран или еще какой ни будь заразы. Последней я обработала ладошки Натальи, перевязав их остатками платка. Процедуру она выдержала стоически, как ирокез на пыточном столбе у племени гуронов. Только иногда тихонько ойкала, когда смесь начинала сильно щипать ранки. Я протянула каждому по небольшой палке вместо посохов.

– Все, народ, пошли.

И зашагала вниз по склону. Ребята вытянувшись гуськом, последовали за мной. Нам только сейчас пионерского горна не хватало и бодрой песни. Эта мысль заставила меня расхохотаться. Андрей, который шел сразу за мной недовольно пробурчал себе под нос, но так, что бы его слышали все остальные:

– И чему баба-дура радуется? Не поймешь их, этих баб... Эх, сейчас бы баньку, да пивка холодного.

Его бурчание развеселило всех. И начались реплики, обычные в нашей компании. Я подумала про себя, что не все так плохо. Главное, как говорил один персонаж мультфильма, это сила духа. А с этим у нас полный порядок.

Глава 3

Часа через полтора мы уже подошли к кромке болота. Болото было старым и заросшим. Вода только кое-где выходила на поверхность, собираясь в коричневые лужицы. Мощный пласт дерна закрывал его поверхность. И каждый шаг вызывал колебание этой неустойчивой поверхности. Я сначала попробовала сама. Прошла несколько десятков метров вперед и обнаружила маленькую тропинку, протоптанную дикими зверями. Человека здесь не бывало. Слишком далеко от жилья. Еще глядя на болото с горы, я видела, что оно имеет вытянутую форму, как раз в нужном нам направлении, протяженностью километров 12–15. Что ж, это не самый тяжелый маршрут. Я вернулась за ребятами. Мы все в лесу были не новичками. Поэтому объяснять долго ничего не пришлось. Я только предупредила, что бы внимательно смотрели под ноги. Не хватало еще на болотную гадюку наступить. А этих тварей здесь было в изобилии. Это была их вотчина. Мы шли уже несколько часов, а вокруг по-прежнему торчали уродливые и высохшие скелеты мертвых деревьев. Пытка комарами и москитами продолжалась. Нежное личико Натальи уже начало заплывать от их ядовитых укусов. Да и мне, как и остальным, их присутствие не доставляло удовольствия. Но приходилось терпеть. Я начала на ходу срывать ветки багульника, которые встречались все чаще. Стали попадаться низ-

кие кустарники и трава стала выше. Значит скоро берег. Еще несколько сот метров, и мы увидели зеленые кроны деревьев. Все облегченно вздохнули и прибавили шаг. Через 20 минут мы с удовольствием ощутили под ногами твердую почву. Отойдя еще немного от края болота мы остановились на маленький привал. Я выдала всем по горсти брусники. Никто уже не говорил, что я пытаюсь их отравить. И с удовольствием принялись хрумкать недозрелую кислую ягоду. Пора было подумать о месте для ночлега. Я решила прогуляться по округе. Сережа захотел составить мне компанию. Наверное, боялся, что меня утащит медведь, а может и наоборот, заботился о зверушке. Мы шли неторопливо, как будто гуляли по парку. Только триклятые комары портили весь романтизм ситуации. Я присматривалась к травам, которые росли у нас под ногами. И, время от времени, срывала какую-нибудь. Серега, по-видимому решил, что я собираю букет, и кинулся срывать, все что попадалось ему на глаза с ритмичностью работающей сенокосилки. Я немного умерила его пыл, объяснив, что рву только те травы, которые нам могут пригодиться либо в качестве еды, либо, как лекарство. Наконец мы набрали на вполне обширную поляну. На краю которой росла гигантская сосна-волк. Так называют старые деревья, которые растут отдельно от остальных и имеют очень раскидистую и мощную крону. Обычно, рядом с такими деревьями приходит состояние покоя и безопасности. Они – патриархи леса. Как старый, но еще могучий князь, они сохраняют

мир и равновесие в своем княжестве. Лучшего места и представить нельзя было. Я послала Сергея привести всех ребят сюда. А сама подошла к сосне и обняла ее мощный и теплый, нагретый солнцем, ствол. Он пах смолой. Я прикрыла глаза и стала разговаривать с деревом. Я просила его о помощи и защите. И дерево мне ответило! Мурашки поползли по моему телу, кончики пальцев стало покалывать. Дыхание на мгновение перехватило. А потом волна света ворвалась в мое сознание мощным потоком, неся с собой тепло и успокоение. Через некоторое время я открыла глаза, отошла от дерева и поклонилась ему до земли. Давным давно, еще когда я была маленькой девочкой, я поняла, что у меня есть свой язык, которым я могу разговаривать со всем, что растет на земле. Я могла чувствовать растения, понимать их силу, слышать их голос. Только мой дедушка знал об этом. Он был хорошим травником. Таких, как он, в старину называли ведунами. Всем, что я знала и что умела, я была обязана ему. Слава Богу, никто из ребят не видел моих манипуляций. Не то бы подумали, что я умом тронулась. Этого мне только и не хватало. Вскоре я услышала голоса и вся наша дружная команда появилась на поляне. Место всем понравилось. Ребята сразу принялись за сооружение ночного убежища. Шалаш решили сделать около старой сосны. Наталья принялась собирать хворост для костра. А я полезла на дерево. Хотела, пока светло, осмотреться. Ничего особенного я не увидела. Сколько хватало глаз, бескрайняя зеленая гладь

тайги. И только далеко, на самом краю горизонта я увидела дым. Он поднимался над лесом черной змеей. Немного правее того направления, куда нам предстояло идти. Я усе-
лась на толстой ветке и стала думать. С одной стороны, е-
сли это лесной пожар, то нам грозит опасность. А с другой
стороны, опять же, если это пожар, то его наверняка засекли
летнабы и значит в эту точку должны будут скинуть десант.
Тогда, есть шанс встретить спасателей. Я задумчиво еще раз
посмотрела в ту сторону, где виднелся дым. Он притягивал
меня, как будто, кто-то невидимый звал. Я потрясла головой.
Только подобной чертовщины мне сейчас и не хватает! Сей-
час нужно было подумать о другом. Кое-какой опыт в лес-
ных пожарах у меня уже был. Дым, когда горит лес, должен
быть совсем другого цвета. От желтовато-бурого, до светло
коричневого. И поднимается к небу он плотным облаком. А
этот был черный, смолянистый и поднимался тонкой струей,
как от горящего предмета. Только предмет этот должен быть
очень большим. Было над чем задуматься. Но думай не ду-
май, а пока не подойдем ближе, все равно ничего не поймем.
Что бы подойти к нему нужно было сделать крюк, километ-
ров в 5–7. Делать крюк вроде бы резона не было. Но я была
уверена, что нам обязательно нужно туда попасть. Одолева-
емая всякими мыслями, я сползла с сосны и принялась по-
могать Наталье в сборке хвороста, не забывая по пути сры-
вать полезные травы. Ребята сооружали шалаш. Работа про-
двигалась быстро. Белоручек среди нас не было. Саша сидел

на поваленном дереве спиной к поляне и что-то мастерил. Мне стало любопытно, и я подошла посмотреть. У его ног лежала куча бересты, из которой он делал туесок. Он поднял на меня рыжеволосую голову. По его лицу я поняла, что он не очень доволен моим вторжением в его трудовой процесс.

– Саш, это для чего?

Мое любопытство взяло верх над деликатностью.

– Ты что думаешь, одна ты умница? Я тоже кое-что умею. У меня дед лесником был. Всю жизнь в тайге провел. А я каждое лето к нему в гости ездил. Научился кое-чему. Сейчас доделаю и можно будет чайку заварить.

И он опять склонился над своей работой. Я положила руку ему на плечо.

– Ладно, Сань, не буду мешать. Прости.

К тому времени, когда тайга начала закутываться в прозрачную вуаль вечерних сумерек, у нас уже был весьма просторный шалаш с мягкой подстилкой из елового лапника и душистого папоротника. У входа горел костерок. А над костром в берестяном кузовке закипала вода. Я тоже время зря не теряла. Накопала съедобных корешков, которые сейчас запекались в углях костра. Набрала немного черники, ну и трав, конечно. Золотые Сашины руки сделали не только туесок для чая, но и несколько кружек. В общем, голодная смерть нам не грозила в ближайшее время. Наталья шмыгнула вымазанным сажей носом. Доедая запеченный корень и, запивая его ароматным чаем, она промурлыкала.

– Хлебушка бы, хоть маленький сухарик. – Потом испуганно обвела всех глазами и поспешно добавила: – Но так тоже ничего, есть можно.

Один Дед был в своем репертуаре и не переставал ворчать, что я «непременно его отравлю своими зельями». Но, это было нормально. После горячего чая всех потянуло в сон. Надо было составить график дежурства. Я была «совой». Другими словами, я могла не спать с вечера довольно долго, зато под утро я теряла всяческие способности воспринимать окружающий мир. Поэтому я вызвалась дежурить первой. В два часа ночи меня должен был сменить Игорь. За ним, Андрей и Саша. А утром Сергей с Вадимом. Ребята сначала хотели мне составить компанию, чтобы не оставлять одну. Но я отказалась. Хотелось побыть одной и как следует все обдумать. Сергей продолжал настаивать на своем обществе, но Дед на него рыкнул.

– Оставь ее в покое! Она может колдовать собралась, а ты мешаться будешь. Еще надежуришься.

Я зажгла несколько веточек багульника и воткнула их по краям у входа в шалаш. И предупредила ребят, что после сна может немного болеть голова, но зато комары и москиты отстанут и можно будет спокойно отдохнуть. Перед сном я помазала лицо Наташи соком подорожника, чтобы немного снять опухоль от укусов. Ребята от моего врачевания отказались. Некоторое время из шалаша еще слышались ехидные реплики Вадима, ворчание Деда и мечтательные пожелания

о баньке и пиве, Андрея. Но вскоре усталость взяла свое и все затихли. Я подкинула в костер несколько веток потолще. Огонь начал облизывать их смолистые бока и урчать от удовольствия, как довольная и сытая кошка. Я сидела, смотрела на спокойные языки пламени. Было трудно представить, что это уютное урчание может очень быстро превратиться в грозный рык обезумевшего зверя, если только дать ему волю. Он был живым. Языки пламени распускались, как диковинный цветок. Они качались, как под дуновением слабого ветра. Казалось, еще немного, и можно будет услышать его шепот, различить слова, понять его душу. И тогда он из страшного рычащего зверя превратится в твоего друга, очень близкого друга. И, ты сможешь понять и постигнуть его тайну. А вместе с этим, тайну самой жизни... Я с трудом оторвала взгляд от огня. А вокруг начали раздаваться разные звуки и шорохи. Ночные обитатели леса проснулись и выходили на охоту. Вот хрустнула ветка, зашуршала трава, с дерева упала шишка. Я не боялась. Ни один зверь сам на огонь не пойдет. Я подбросила еще несколько веток в костер. И пламя костра благодарно принялось хрустеть сухим деревом, разбрызгивая искры, отдавая мне взамен свои свет и тепло.

Глава 4

Самая первая ночевка всегда самая трудная. На завтра встать будет очень тяжело. Заставить себя идти дальше – еще труднее. Но оставаться здесь нельзя. Хуже всего ждать и бездействовать. Еще неизвестно сколько придется ждать. Я перебирала еще и еще в голове все возможные варианты выхода из сложившейся ситуации. И все-таки, идти вперед, было самым правильным решением, хотя и не самым легким. Завтра нам предстояло дойти до источника дыма, который я видела сегодня с вершины дерева. Я прикинула, что до него идти километров 15–20. Но в тайге расстояние определить точно очень сложно. Стаким же успехом, это могло быть и 30 километров и 10. Я чувствовала, как усталость придавливает мои плечи и кладет свои тяжелые ладони на мои глаза. Необходимо было срочно взбодрится. Я налила из закопченного черного берестяного туеска остывший и, ставший горьковатым от бересты, чай. Встала и начала прогуливаться по поляне взад и вперед. Пройдя очередной круг, я вдруг резко остановилась, как будто наткнулась на вполне реальное препятствие. Препятствий впереди не наблюдалось. Однако, что-то заставило меня остановиться. Было такое ощущение, что, из-под темного полога леса за мной наблюдают чьи-то внимательные глаза. Я быстро оглянулась, и, конечно же, ничего не увидела. В такой темноте трудно было что-либо

разглядеть. Костерок освещал только весьма ограниченный контур. А дальше – тьма. Только лес возвышался еще более темной массой вокруг поляны, как крепостная стена. Но ощущение внимательного и настороженного взгляда не проходило. Я чувствовала его каждой своей клеточкой, каждым волоском. Тайга любит шутки шутить и играть с человеком. Но мне было, почему то, не смешно. Сон сняло, как рукой. Я спокойно (по крайней мере, мне так казалось) подошла к костру, подбросила еще веток и села на самом краю освещенной площадки. Меня окатило прохладной волной страха. Но я отсоветовала себе паниковать раньше времени. И ребят будить я тоже не хотела. Ни к чему им мои истерики. Надо постараться разобраться в своих ощущениях самой. Я сидела настороженно, как испуганный зверек, готовый в любой момент сорваться и убежать. Только вот мне бежать было некуда. Я попыталась рассуждать логически. Если я не могу видеть, то я могу слышать. Я прикрыла глаза и почти перестала дышать. Мои уши удлинились и стали, как у тушканчика. Я старалась уловить малейшее движение, малейший шорох или какой ни будь другой посторонний звук. Все было безрезультатно. Я слышала только посапывание, доносившееся из шалаша, звон комаров над головой, да легкий шорох листьев в кронах деревьев под слабым ветерком. Ничего больше. Ни зверей, ни птиц. Как будто весь остальной мир, кроме нашей поляны провалился в никуда. И это тоже было странно. Мысли в моей голове роились как встревоженные пчелы в

улье. Я не находила никаких рациональных объяснений своим чувствам. Только эмоции. И вот, наконец, почти на грани слуха, я услышала звук очень осторожных шагов. Я открыла глаза и стала до рези в глазах всматриваться в темноту. Человек, здесь?! Это было невозможно!!! На сотни верст вокруг нет ни одного человеческого жилья. Невозможно!!! Что-то внутри меня подсказывало, что опасности нет. Я привыкла доверять своим чувствам и стала ждать. Звук шагов становился все ближе. И вот наконец на краю видимости заколебалась неясная тень. И в неверных бликах костра появилась расплывчатая фигура человека. Это был старик. Я сразу это поняла по сгорбленной фигуре и усталой походке. Он был одет в старую одежду, почти в лохмотья. В руках суковатая палка вместо посоха. Он тяжело на нее опирался при каждом новом шаге. Прямо персонаж из Уральских сказов. Я встала на ноги и негромко поздоровалась. Старик ответил мне, как будто ветер в листьях прошелестел. Голос был тихим и сухим.

– Проходи, дедушка. Садись поближе к костру. Еды нет, но чаем я тебя угощу. Расспрашивать я не торопилась, хотя любопытство меня раздирало на кусочки. Старик поблагодарил, тяжело сел у костра, но от чая отказался. Он достал из-за плечного мешка фляжку и сделал несколько глотков из горлышка. Я была готова увидеть деревянную баклажку, времен Петра Великого. Но фляжка меня порадовала блеском своих хромированных боков вполне современного дизайна.

И, могу поклясться, пил он совсем не воду. С каждым мгновением мне становилось все интересней и интересней. Седые волосы спадали до самых плеч. А вот борода была почти черной. Я затруднялась определить сколько ему было лет. Наконец, он поднял голову и меня пробрала дрожь. Лучше бы он этого не делал. Лицо его было изуродовано двумя глубокими шрамами. Кожа была темного цвета из-за постоянного пребывания на воздухе. А глаза... Под лохматыми бровями, глубоко посаженные. Цвета их я не могла разглядеть. Да и у меня не возникло подобного желания. Меня как будто гвоздями прибили к месту. Мне не то, чтобы шевелиться, мне даже дышать не хотелось. Но вот старик опять опустил голову, и я позволила себе выдохнуть. Черт! Принес же его леший! У меня пропало всякое желание его расспрашивать. Вот так молча мы и сидели с ним у костра. Я время от времени подбрасывала ветки в костер, чтобы огонь совсем не погас. Время превратилось в старую лошадь, которая еле-еле переставляет ноги. На нас как будто опустился стеклянный колпак. Звуки не проникали к костру. Даже огонь горел как-то неохотно, как будто сквозь дрему. Мне с большим трудом удавалось не закрыть глаза. Наконец он зашевелился, встал, опираясь на палку и тихо сказал.

– Направление выбрала правильное. На дым идите. Ждут вас там.

И пошел туда же, откуда пришел. Дурман спал. Только сейчас я почувствовала, как занемели у меня ноги, долго

находившееся в одном положении. Я даже не смогла сразу встать. Я, постанывая, встала на четвереньки. И только потом поднялась медленно с колен. Холодные мурашки побежали вдоль позвоночника. Из ушей как будто вытащили ватные шарики и, звуки ночной тайги хлынули в мой мозг мощной волной. Крик ночной птицы, шорох листьев в кронах деревьев, возня барсука в кустах и, конечно, звон комаров над головой. Как будто ничего не было. Я потрясла головой. Может быть, я задремала у костра и мне все это привиделось? Я никогда не страдала галлюцинациями. И истеричностью характера не отличалась. Я прошла, не торопясь до края поляны. Но под полог леса заходить не стала. Не было у меня такого желания. А доказывать себе собственную храбрость мне, почему-то не хотелось. Никаких посторонних звуков. Никаких признаков, что здесь был человек и, что он только что ушел. И что я должна была думать? И эти его странные слова. Откуда он узнал, какое направление я выбрала? Я даже ребятам ничего не говорила об этом. И кто нас там ждет? Черт! Сплошные вопросы. И ни одного ответа. Я вернулась к костру и достала часы Вадима, чтобы посмотреть, не пора ли будить Игоря. Часы показывали 5 часов утра! Ничего себе! Это ж сколько мы у костра просидели! С другой стороны, сейчас мне все равно не удастся уснуть. Пускай ребята отдохнут. Завтра будет тяжелый переход. Звезды начали терять свои четкие очертания и расплываться в светлеющем небе. Стало зябко. Утренняя роса легла на траву, заставив

ее низко наклониться к самой земле. Из ложбинок потянулись зыбкий туман. Легким, невесомым шифоновым шлейфом он накрывал нашу поляну. И вместе с ним пришла предутренняя тишина. Даже комаров не было слышно. В шалаше слышалось какое-то шевеление, шуршание, ворчание. И на поляну вылез Дед. И безо всякого «доброе утро», начал сразу же на меня ругаться. Что я чокнутая, глупая обезьяна в юбке (почему в юбке, когда я была в брюках?). Как я собираюсь без сна третьи сутки идти по тайге? Ну и прочее в том же роде. Одно слово, «дед». Я не стала с ним пререкаться и спорить. Просто свернулась калачиком у костра и закрыла глаза.

Глава 5

Я бежала по лесу, а за мной гналась волчья стая. Я летела, как птица. Не замечая хлеставших по лицу веток. Сердце билось сильно и гулко, как кузнечный молот по наковальне. Выскочила на крутой берег реки и кубарем спустилась с обрыва, чуть не переломав себе все кости. Не останавливая своего стремительного движения, я влетела в реку. Она была неглубокой, с каменистым дном и довольно быстрым течением. Вода обожгла меня, как огнем полыхнуло. Дыхание сбилось. И на мгновение я потеряла ориентацию. Но только на мгновение. До противоположного берега оставались считанные метры. Я была уверена, что почти ушла от погони. Волки стояли на краю обрыва и смотрели мне в след, не решаясь спускаться к реке. Вожак задрал голову и завыл протяжно и тоскливо, сожалея об упущенной добыче. И с противоположного берега, которого я почти достигла, пришел ответ. Вой жуткий и протяжный. Я замерла на месте, не выходя из воды. Кусты зашевелились, раздвинулись и на берег вышел мой ночной гость. Он по-прежнему опирался на свою суковатую палку. Он остановился недалеко от того места, где я стояла по колено в воде и протянул мне руку. Я, как под гипнозом, стала медленно шаг за шагом приближаться к нему. Он поднял голову, и я замерла на месте под его взглядом. А вода в реке стала подниматься выше и выше, грозя захлест-

нуть меня с головой своими волнами.

Я очнулась ото сна, как вынырнула из глубокого омута. Все тело сотрясала крупная дрожь. Я рывком вскочила на ноги. Дед с удивлением уставился на меня.

– Ты чего? Спи, рано еще. Еще час можешь покимарить.

– Не хочу, выспалась уже.

Я попыталась ладонью привести волосы в порядок. Мои попытки не принесли никаких результатов. Голова была похожа на морковную грядку перед сбором урожая. Дед с ухмылкой наблюдал за моими тщетными попытками предать себе немного приличный вид. В конце концов, я махнула рукой на свою прическу и пошла к ручью умыться. Холодная родниковая вода обожгла мне лицо. Но зато сразу привела в чувство. Я сделала несколько глотков. Вода была чуть сладковатая с легким привкусом трав. Берег ручья был затянут аиром. Его мясистые корни имели терпкий и горьковатый вкус. Но для завтрака вполне подходили. По содержанию крахмала они не уступали картошке. А нам сейчас не приходилось привередничать. Я подобрала палку и принялась выкапывать сочные корни. Накопав достаточное количество, я опустилась на колени у воды и принялась их отмывать от земли. Руки сразу же покраснели и превратились в куриные лапки от ледяной воды. Но холодная вода привела мои мысли и чувства в порядок и окончательно прогнала остатки кошмарного сна. Голова по-прежнему стала работать четко и ясно. Возвращаясь на поляну, я уже тихонько

насвистывала старую студенческую песенку про медведей. Дед сразу обратил внимание на смену моего настроения. Как всегда, ворчливым тоном, он спросил:

– Ты что клад нашла? Чего радуешься?

Я ссыпала корни у костра, села рядом и начала их чистить.

– Да нет, не клад. Еду нашла на завтрак.

Дед скорчил презрительную физиономию:

– И это ты называешь «едой»? Я тебе что, поросенок, корни жевать? Мяса бы нашла, тогда бы и радовалась. А то опять отравы какой то накопила, и счастлива. Предупреждаю, я это есть не буду.

– Да ладно тебе. Дойдем до базы, я тебе все свои котлеты в столовой отдам. Не жалко. А пока, будь добр, перестань ворчать. Пока ребята спят, давай лучше маршрут обсудим.

Я рассказала ему о том, что увидела с дерева. И про дым, и про мои мысли об этом. По выражению его глаз, я поняла, что наши мысли насчет горящего предмета сходятся. Ох, не хотелось бы, чтобы мы оказались правы. Но я отсоветовала себе паниковать раньше времени. Дойдем – увидим. И тут у меня в голове прозвучало тихое шелестящее «ждут вас там». Холодок пробежал по спине. Я резко обернулась. Но, кроме деревьев, ничего не увидела. Дед внимательно на меня посмотрел. Но ничего не сказал, только головой покачал, и полез в шалаш будить ребят. Солнце уже поднялось над горизонтом. И сейчас разливало над тайгой свое благословенное тепло, заставляя птиц надрываться от радостных гимнов в

свою честь. Пора было идти. Предстояло до темноты дойти до источника дыма и найти ночлег. Ребята вылазили из шалаша со стонами и оханьем. Это было нормально. Мышцы с непривычки болели и просили еще отдыха. Я с удовлетворением заметила, что сок подорожника помог и лицо Наташки сегодня выглядело вполне по-человечески. Отеки и опухоли спали и, она могла нормально смотреть на окружающий мир. Я предложила всем очищенных корней и немного черники, которая осталась со вчерашнего дня. Наташка к корням не притронулась, только взяла горсточку ягод. Да и мальчишки жевали аир без особого вдохновения. Вадим даже попытался возмущаться, что я заставляю их есть «всякую дрянь». Но я рыкнула так, что эхо пошло по поляне, а птицы в испуге вспорхнули со своих веток.

– Хотите в тайге загнуться?! Это без меня. А ну-ка, быстренько все взяли по корешку и начали дружно жевать!!! Нам идти еще несколько дней. Без еды не дойдем. А на себе я всех не унесу. Весовая категория не та.

Я с остервенением принялась грызть корень. Ребята притихли и стали есть, что Бог послал, как говорится. Через 40 минут мы были готовы выступить дальше. Местность была впереди относительно ровной. Конечно, были и буреломы и овраги и заболоченные поляны. Но трудных подъемов не было. Вначале шли не очень быстро. После сна мышцы еще не хотели слушаться. Но к полдню мы шли уже вполне приличным темпом. По моим прикидкам, мы прошли уже километ-

ров 15, когда ко мне сзади подошел Андрей и тихо сказал:
– Давай привал сделаем, а то Наташка сейчас упадет.

Я, не оглядываясь кивнула, что мол, поняла. И стала вы-
сматривать какую ни будь полянку поровнее. Вскоре такая
подвернулась. На самом краю поляны стоял большой серый
камень. Из-под него бил маленький родничок. Хорошее ме-
сто. Саша с Вадимом принялись хлопотать около рухнувшей
на землю Натальи. Пытались устроить ее поудобней. Подсо-
вывали ей под голову куртки, несли в теске воду из роднич-
ка. При этом с такой укоризной смотрели в мою сторону, что
можно было подумать, как будто я изверг какой то, в челове-
ческом обличие. В общем, они добрые братья, которые про-
являли заботу. Ну вот и ладно. Не всем же быть добрыми.
Кому-то и Бабой Ягой нужно быть. Так почему бы не мне?
Оставив ненужное никому раскаяние, я полезла на камень.
Он был метра 4 в высоту. Его бока уже основательно нагрелись
солнцем. Было очень приятно сидеть на его теплой се-
рой ладони. Я по своей привычке, жевала травинку и при-
слушивалась к тайге. Меня что-то настораживало. Но я не
могла пока понять, что это было. Сзади слышалось сопе-
ние и вскоре Дед уже пристраивался рядом со мной на кам-
не. Он лег на спину, закинул руки за голову и прикрыл глаза.
– Ты ничего не чувствуешь?

Дед, не открывая глаз, молча помотал головой. Но трево-
га не отпускала меня. Я сидела и, как настороженный зве-
рек, прислушивалась и принимала к окружающему ме-

ня лесу. Какой-то посторонний запах. Запах гари примешивался к запаху леса. Но это был не запах горящей тайги. Это был горький и резкий запах горящей резины, горящей нефти, раскаленного железа и чего-то еще, непонятного и, потому, страшного. Я начала расталкивать, уже задремавшего Деда.

– Вставай, нужно прогуляться.

Он нехотя поднялся, и начал ворчать, по своему обыкновению.

– Да что ж ты неугомонная такая! Не нагулялась еще. Лежи, отдыхай, как нормальный человек. Так нет! Сама не отдыхает и людям не дает...

Но, наткнувшись взглядом на мою настороженную физиономию, он резко замолчал.

– Что?

– Пахнет... плохо. Надо бы прогуляться и посмотреть. Ребят не тревожь. Ни к чему панику раньше времени поднимать.

Я встала во весь рост и повернулась в ту сторону, откуда приходил запах. Но лес стоял стеной, не позволяя что-либо увидеть сквозь зеленую преграду. Мы слезли с камня и прогулочным шагом, что бы никого не тревожить пошли в направлении, откуда тянуло гарью. Мы шли молча. Каждый думал о своем. Мне очень хотелось рассказать Деду о моем ночном госте. Но, что-то удерживало меня от подобной откровенности. Я сама не могла еще осознать всего происшед-

шего до конца. А делиться своими эмоциями я пока не хотела. Что он мог подумать? Что у меня от переутомления мозга заклинило?

Погода стала меняться. Я почувствовала это по усилившимся порывам ветра. По небу поползли облака. Они собирались в плотные серые клубы, закрывая солнце. Дед хмуро посмотрел на небо.

– Возвращаемся. Дождь будет. Надо приготовить укрытие.

Я была с ним согласна. И мы повернули назад. А тайга продолжала испытывать нас на прочность. Стало прохладно, потянуло сыростью и недалекой грозой. Ветер усиливался с каждой минутой, грозя перейти в сильный ураган. Деревья заплакали, застонали под его напором, пригибая свои головы. Мы прибавили шагу и почти бегом выскочили на поляну, где оставили ребят. Андрей с Сашей таскали сухие ветки, которые могли пригодиться для постройки временного убежища. Наталья стаскивала сухой хворост к камню. Сергей с Вадимом ломали еловый лапник. Все верно оценили ситуацию. И сейчас каждый работал, как мог. Мы с Игорем включились в процесс. Вскоре около камня вырос шалаш. Одной его стеной служил камень, который закрывал нас от порывов ветра. А плотный еловый лапник должен был дать нам защиту от дождя. Тем временем, небо затянули свинцовые тучи. Было совсем не похоже, что сейчас лето. Ветер стал холодным, совсем забыв о времени года. Мы сидели в

шалаше, прижавшись друг к другу. И вдруг небо разорвало пополам огненным копьем, и земля вздрогнула от мощного раската грома. Наталья зажала голову между ладоней и крепко зажмурила глаза. Она всегда боялась грозы. Порванное небо, стало выплескивать на землю потоки воды. Окружающий мир пропал, утонул в буйстве небесной стихии.

Лапник не мог нас спасти от дикого напора дождя, усиленного ветром. Ребята сняли с себя куртки и попытались укрыть нас от просачивающейся через все щели воды. Но ветер сводил все их старания на нет. И скоро мы были похожи на кучку мокрых и дрожащих котят. Но лето вскоре напомнило о себе. Гроза стала затихать за лесом. Недовольно урча, как голодный зверь, тучи уползли за горизонт. Мы вылезли из шатра. Мир был чистым и обновленным. Все кругом сверкало и переливалось под лучами солнца, как груды драгоценных камней в шкатулке богатого уральского купца.

– Выходим. На ходу согреемся и обсохнем. Надо пройти еще километров десять сегодня.

Все согласились со мной. И мы двинулись в путь. Я шла, как зверь, на запах непонятного дыма. Этот запах тревожил меня. Я невольно стала прибавлять шаг, как будто боясь опоздать. Куда, зачем? Ответов на вопрос не было. Но я привыкла доверять своей интуиции. Я ускоряла темп, не замечая ни комаров, ни мокрой одежды, ни усталости. Как будто не было трех последних бессонных суток. Шла, одерживая только одной мыслью. Не опоздать. Время от времени,

кто ни будь из ребят пытался сдержать мой аллюр, громкими восклицаниями пытаюсь привлечь мое внимание. В конце концов, Андрей не выдержал. Догнал меня. Положил руку на плече и легонько потрянул меня.

– Ты нас загнать хочешь? Что творишь?! Наталья сейчас упадет и умрет, как загнанная лошадь! Черт побери, что ты делаешь?! Куда летишь, как сумасшедшая?! Если в ближайшие полчаса не найдем место для ночлега, до базы дойдут не все.

Я стояла и смотрела на него совершенно дикими глазами. До меня с большим трудом доходили слова, которые он говорил. В голове билась только одна мысль: «Не успеть!!!» Андрей взял меня за плечи, заглянул в глаза.

– Да, что с тобой?!

Я наконец смогла сфокусироваться на нем и на том, что он говорит.

– Андрюш, видишь вон ту сосну со сгоревшей вершиной? – Я ткнула пальцем в направлении сгоревшего дерева, стоявшего примерно в километре от того места, где мы стояли. – Держите на нее. Судя по густоте растущих вокруг деревьев в том направлении, там должна быть большая прогалина. Заночуем там. Меня не дожидайтесь, готовьте ночлег. А мне надо идти.

И я попыталась освободиться от его рук. Но Андрей не отпускал меня и пристально смотрел в глаза.

– Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я тряхнула плечами, как норовистая лошадь.

– Все, Андрей. Мне надо идти. **ОЧЕНЬ НАДО.** – Потом устыдившись своей резкости, добавила извиняющимся тоном – Поверь. Правда, очень надо. Не волнуйтесь за меня. Я действительно знаю, что делаю. Держитесь на ту сосну. Там и встретимся.

И быстрым шагом я направилась вперед. Я умела ходить по тайге быстро. Но в этот раз, я почти бежала. Чувствовала, как время утекает сквозь пальцы сухим песком. И, казалось, что еще немного и последняя песчинка упадет из моих ладоней. Почему меня это так пугало? Что толкало меня вперед? Я не знала. Но я чувствовала, что мне нужно быть ТАМ. Где там, черт возьми?! Что со мной происходит?! Но все эти мысли мелькали быстрой тенью у меня в голове, никак не влияя на мои поступки. Я услышала за спиной шум ломаемых веток. Я могла не поворачивать головы. Я и так знала, кто ломиться за мной сквозь буреломы и завалы. Конечно, это был Дед. Я притормозила. Дождалась пока он, как перепуганный лось прорвется сквозь чащу травы и кустарников. Он остановился около меня, сердито сопя и тихо поругиваясь. Страхнул с ушей прилипшую паутину и завел свою обычную песню о моих умственных способностях, о невозможности терпеть мой характер. Закончил он свой монолог тем, что «меня такую (как всегда) никто замуж не возьмет». Замуж я не спешила, поэтому оставила его сентенции без особого внимания. Развернулась и прежним темпом пошла

далее. Он не отставал, пытаясь на ходу узнать, «куда мы летим, как будто за нами черти гонятся». Ответа на этот вопрос у меня не было. Поэтому я ничего не ответила, посчитав вопрос риторическим. Вскоре лес стал редеть. Подлесок почти пропал и идти стало легче. Запах гари стал невыносимым и каким-то тошнотворным. Еще через несколько минут мы вылетели на край болота и замерли, как осаженные на бегу кони, почти встав на дыбы. Потом я еще долгие годы видела в ночных кошмарах эту картину. Просыпалась с придушенным криком, и долго не могла заснуть.

Глава 6

Недалеко от берега многоногим искореженным чудищем догорал вертолет. Прошедший ливень частично погасил огонь, но едкий маслянистый черный дым продолжал ядовитой змеей стелиться между болотных кочек. Рядом с его покалеченным боком лежал пилот. Точнее, то, что от него осталось. У него не хватало руки и части ног. Лица тоже не было. На этом месте была черная обгоревшая маска без волос и без кожи. Только белый оскал части оставшегося черепа. Сладковатый запах горелой плоти заполнил все вокруг, перебивая все остальные запахи. Стало невозможно дышать. Тошнота подкатила к горлу тугим комком. Я до этого никогда не видела мертвых. Как-то не довелось. Но я никогда не думала, что смерть может быть так ужасна. То, что лежало рядом с вертолетом нельзя уже было назвать человеком. Я стояла, как замороженная. Мне было страшно дышать, страшно шевелиться. Каким-то краем сознания я скорее почувствовала, чем услышала, как Игоря рвет. Я даже не обернулась, не сумев оторвать взгляда от этого кошмара. Я начала проваливаться в разворачивающуюся у моих ног серую воронку. Она становилась все шире и темнее, грозя поглотить меня всю без остатка. Я начала терять ощущение реальности. В голове стоял ровный гул, заглушающий все остальные звуки. Только тихий шуршащий шепот «ждут тебя...» Этот шепот вы-

рвал меня из открывшейся серой бездны забвения. Я вздрогнула всем телом и медленно отвела взгляд от этого ужаса. Игорь сидел, согнувшись и тело его содрогалось от конвульсий. Я медленно подошла к нему и попыталась помочь ему встать. Он медленно, опираясь на меня встал. Глаза были белыми от боли. А лицо стало земляного цвета. Я отвела его под полог леса, где запах был не таким сильным, и посадила на землю. Сама без сил опустилась рядом. Я не могла нормально вдохнуть. Воздух не хотел проходить в грудь. Голова начала кружиться. Казалось, я нахожусь в вакууме. Еще немного, и я просто задохнусь. Сколько мы так просидели, я не знаю. Время перестало иметь значение. Вывел нас из этого состояние посторонний звук. Он вонзился в мой онемевший мозг, как ржавый шуруп в старое железо. Я поднялась и стала оглядываться, ища источник этого звука. Метрах в 50 от упавшего вертолета, почти на берегу болота, я заметила какое-то слабое движение. На трясущихся ногах я пошла на это движение. Это был человек. Второй пилот. Одежда на нем обгорела, руки были черными от копоти и ожогов. Но, он был жив! Я подбежала к нему и упала рядом на колени. Ноги не хотели меня держать. Он лежал с закрытыми глазами и стонал. Я позвала Игоря, и мы вместе аккуратно перевернули его на спину. Он был сильно обожжен и, у него была сломана нога. Кость торчала наружу. Меня опять замутило. Но я постаралась взять себя в руки. Сейчас был не самый подходящий момент раскисать.

– Дед, мне нужна палка для шины. Пока он без сознания, надо вправить кость.

Дед пошел искать палку. А я благословила про себя наше советское образование и помянула добрым словом школьного учителя военной подготовки, который добросовестно нас учил оказывать первую медицинскую помощь. Я сняла из-под свитера футболку и стала рвать ее на неширокие полосы. Ткань была плотной и никак не поддавалась моим усилиям. Я в отчаянии стала рвать ее зубами. К тому времени, когда Игорь принес палку подходящего размера, у меня уже был готов вполне приличный клубок импровизированных бинтов. Я постаралась отключить свое сознание от всяких посторонних звуков и ненужных в данный момент эмоций.

– Держи его, чтобы не дернулся, а то может быть хуже.

Дед молча вцепился в его плечи. Я сжала челюсти так, что закрипели зубы. Руки действовали сами по себе, четко и быстро. Через 20 минут кость была вправлена, а шина закреплена. Холодный пот градом катился по моему лицу. Я позволила себе немного расслабиться.

– Черт!!! Никогда не хотела быть медиком!» – потом подумав немного добавила: – Так и лесником вроде бы стать не мечтала. А вот, поди ж ты! Интересная штука жизнь.

Дед хмуро смотрел на меня:

– Если ты закончила с риторикой, может скажешь, что дальше делать?

– Послушай, вдвоем мы его не утащим. Нужны носилки.

Иди за ребятами. Приведи Андрея и Вадика. А я останусь с ним.

Игорь как-то странно на меня посмотрел, но спорить не стал. Знал, что в данной ситуации это пустая трата времени. Он уже собирался уходить, но я его окликнула.

– И принеси воды. Он может очнуться. Захочет пить. А здесь болото, вода грязная... И не заблудись, пожалуйста.

Он усмехнулся на мое проявление заботы. Покачал головой и быстрым шагом направился в лес. Я не стала зря терять времени. Сняла с себя куртку и подложила пилоту под голову. Встала и пошла к покоренной грудке металла, бывшую когда-то вертолетом. Я старалась не смотреть в сторону искалеченного трупа. Как странно. Несколько часов назад это был живой человек. Он говорил, смеялся, думал о будущем. Он жил. А сейчас... я заставила выбросить эти мысли из головы. Так недолго скатиться в истерику. А это мне сейчас было не к чему. Я обошла останки того, кто еще недавно был человеком, стараясь не смотреть в ту сторону. Сглотнула подступающий ком тошноты. Желудок моментально отозвался болезненным спазмом. Я осторожно переступила через куски железа и пролезла в вертолет. Там царил хаос из покоренного закопченного метала. От запаха гари было невозможно дышать. Я прикрыла нос и рот рукавом свитера. Легче от этого не стало. Из груды всего этого я вытащила кусок обгоревшего брезента и вышла обратно. Подошла к погибшему пилоту и накрыла его этим куском. Дышать сразу

стало легче. От пилотской кабины остались только головешки да оплавленные и торчащие в разные стороны, провода. Я лазила по кабине и пыталась найти хоть что то, что могло бы нам пригодиться. То, что я находила полезного, я вытаскивала из вертолета и складывала на мокрые болотные кочки. Скоро там образовалась приличная куча. Я обнаружила еще один кусок брезента, несколько кусков металла, которые могли пригодиться, как орудия труда, покореженный металлический котелок и топор с обгоревшей ручкой. И, о чудо, несколько смятых и закопченных банок тушенки. Я сложила все свои богатства в брезент и потащила их к берегу. Второй пилот лежал на спине и часто дышал. Я положила руку ему на голову. Лоб был горячим. Я закружила по лесной поляне, как собака, которая потеряла след. Черт! Все эти события, похоже, мне отшибли последние мозги! Я рванула обратно на болото и начала внимательно всматриваться в то, что росло у меня под ногами. Наконец, я увидела тоненькие ниточки с розовой ягодой и мелкими листиками. Клюква. Самое лучшее средство от жара. Я встала на колени и принялась бережно собирать эти ниточки в ладонь. Набрав полную пригоршню, я побежала за котелком, который нашла. Вот, курица! Не могла сразу взять этот чертов котелок, а не метаться, как кошка на пожаре, туда-сюда!? Мозг с большим трудом возвращался в нормальное состояние. Мысли ползли медленно, как дождевые червяки, и, никак не хотели выстраиваться стройно, в соответствии с логикой. Пока я пол-

зала по болоту, время не стояло на месте. И солнце упрямо продолжало падать за горизонт, едва касаясь верхушек деревьев. Скоро выпадет роса, тоже помощница в борьбе с огненной горячкой. Росная трава силу великую имеет. О том, что за этим наступит ночь и мрак, я не думала. Для страха в моем мозгу не осталось места. Послышались голоса и ребята показались на краю поляны. Я не дала им времени опомниться. Да, и отвечать на их вопросы у меня не было никакого желания. Тем более, что ответов я не знала. Они сломали две молодые березки. А я привязала к ним, найденный мной, брезент. Получились импровизированные носилки-волокуша. Мы осторожно перенесли на него раненного, и двинулись к месту нашей стоянки. Я шла рядом и старалась придержать его голову. В сознание он не приходил. Только изредка стонал. Игорь принес воду, и я осторожно протерла его лицо. И смочила немного его потрескавшиеся губы. Лицо было сильно обожжено. Я шла рядом с носилками и лихорадочно думала. Мысли из ленивых червяков превратились в сумасшедших бурундуков. Как мы пойдем с ним дальше?! Как его лечить? Чем его кормить? Продержаться в тайге несколько дней без еды здоровый человек вполне может без особого ущерба для здоровья. А его чем кормить? Чем лечить? На нем же нет живого места! Господи, помоги мне, научи, что делать?! Я начинала тихо паниковать. И потом, все ребята уверены, что я смогу что ни будь придумать, сделать, помочь. Они не допускали мысли, что я не уверена в чем

ни будь, что я чего-то не смогу. А я не могу!!! Так. Стоп. Так и до истерики недалеко. А истерикой не поможешь. Я постаралась взять себя в руки и направить свои мысли в конструктивное русло. Мне это частично удалось. По крайней мере, я смогла немного успокоиться. Мы уже подходили к лагерю, когда Вадим споткнулся о выступающий корень и кубарем полетел на дно оврага, увлекая за собой носилки с раненым. Я кинулась за ними, чуть не сломав себе шею. Упала на колени около раненого и попробовала его перевернуть. Краем глаза я заметила, что Вадик сидит на земле и держится за лодыжку. Ко мне подбежали Андрей с Игорем и стали помогать поднять пилота и положить его на носилки. Я позволила им заняться несчастным, а сама подошла к Вадиму.

– Что?

Он страдальчески сморщился, но ответил бодрым голосом:

– Да, все в порядке. Ударился ногой просто.

Только губы у него при этом дрожали и лицо стало белым. Я еле удержалась, чтобы не завывать в голос от отчаяния. Подошла, опустилась на корточки:

– Дай посмотрю.

Вадик нехотя отвел руки от ушибленного места. Я задрала у него штанину и стала ощупывать ушибленное место. Перелома, слава Богу, не было. И на этом спасибо судьбе. Но гематома образовалась приличная. Идти быстро он не сможет. Ребята тем временем уже вытащили многострадального

пилота наверх... И теперь смотрели на нас сверху.

– Вы чего там расселись? Решили там жить остаться?

Андрей хотел изобразить суровость. Но за каждым его словом скрывалось беспокойство. Я помогла подняться Вадиму. И мы заковыляли с ним наверх. Вадим старался не морщиться при каждом шаге и как можно меньше опираться о мое плечо. Черт!!! Все хотят быть героями! Кое-как выбравшись из оврага, я усадила Вадика на землю и пошла искать для него подходящую палку. Вскоре мы опять могли двигаться. Представляю, какой живописной группой мы появились на поляне, где Саша с Сергеем уже доделывали шалаш, а Наталья хлопотала над костром. Завидев нас, она вскочила на ноги и испуганно прижала ладошки к губам, пытаясь удержаться от вскрика. Первым делом, мы уложили в шалаш раненного пилота. Я быстро сорвала несколько пучков травы, мокрой от обильной вечерней росы. Сунула их в руки Наталье и сказала, что надо с этим делать. Сама перелила из берестяного туеска воду в найденный мною металлический котелок. Кинула в него несколько пригоршней клюквы и повесила над костром. Потом сорвала с березы пригоршню листьев и принялась перевязывать Вадиму лодыжку. Оставив Вадика тихо постанывать рядом с костром, опять занялась раненым. Наталья добросовестно выполняя мои указания, уже протерла все лицо росной травой.

– Теперь сорви еще травы и протри все открытые участки кожи.

Наташка молча кивнула. Глаза у нее были... Мне стало ее жалко до слез. Но я не стала ей выражать свои чувства. Не ко времени сейчас с чувствами то... Ничего, девочка, потерпи... Выгребла из костра немного горячей золы. Дала ей остыть, и стала присыпать ожоги pilota тонким слоем пепла. Он дышал тяжело и вздрагивал всем телом, когда теплый пепел попадал на открытые раны. А ночь уже разгулиwała по тайге и заливала все вокруг, как проказник-ученик, черными чернилами. Напоследок, достав из кармана пригоршню звезд, она швырнула их в небо, как придется. Успокоившись на этом, ночь взмахнула своими крыльями ночной птицы, полетела озорничать дальше на запад.

Глава 7

Вода в котелке уже закипела. Я аккуратно сняла его с огня и, налила немного чая в берестяную кружку. Сунула кружку в руки Наталье:

– Сегодня ты у нас будешь сестрой милосердия. Попробуй напоить его этим отваром. Он должен выпить хоть немного.

Наталья взяла туесок и принялась тихим шепотом уговаривать pilota «выпить хоть глоточек». Она была похожа на маленького испуганного воробышка. Я чуть не разревелась. Но бабская сырость только помешает сейчас. Ребята изображали бурную деятельность у костра. Складывали хворост, подбрасывали дрова в костер и прочее. А сами поглядывали в сторону шалаша. Невысказанные вопросы, сомнения и тревога повисли плотным облаком над нашей стоянкой. Оно затягивало мутью сознание, мешая четко думать. Я без сил опустилась у костра и уставилась невидящим взглядом в огонь. Мозг, переполненный эмоциями и информацией, отказывался думать. И я сидела просто у костра и, ту-по паялилась в огонь. Сама себе я напоминала сейчас пустую консервную банку, из которой выгребли всех килек, только соус остался на стенках... Так же пусто и гулко было у меня внутри. Чья-то рука легла мне на плечо. Я вздрогнула и медленно подняла голову. Саша стоял надо мной. В его глазах было столько жалости, столько участия... Я тряхнула голо-

вой, прогоняя остатки пустоты из своего сознания. Что это я, Господи?! Надо что-то решать, что-то делать! А я сижу здесь, пень, пнем.

– Ребята, хорошь суетиться. Садитесь. Совет племени. Давайте обсудим ситуацию и выработаем план действий.

Мальчишки расселись у костра. Сергей заботливо принес мне туюсок с чаем. От него сладко пахло летом и травами. Я с удовольствием сделала большой глоток.

– Идти с ним, – я кивнула головой в сторону шалаша, – мы сейчас не сможем. Нужно остаться на некоторое время здесь и подождать, пока у него не пройдет жар и он не придет в сознание. Иначе он умрет по дороге. У кого какие предложения?

Саша ковырял веткой землю у своих ног.

– Может нам стоит разделится? Пускай кто ни будь пойдет быстро вперед и приведет помощь. Остальные будут ждать здесь.

Он вопросительно обвел всех взглядом. Сергей, Вадик, Андрей, все включились в обсуждение. Начались бурные дебаты. Вадик горячился. Он считал, что идти должен он. Серега на него рычал и говорил, что он сейчас похож «на хромую собаку» и идти быстро не сможет. Андрей снисходительно отпускал ехидные замечания в адрес Сережи. Что, дескать, они все еще слишком молоды и неопытны. А идти должен он, Андрей. Андрюша был старше всех мальчишек на несколько месяцев и считал себя стариком, который знает

жизнь. Один Игорь не участвовал в споре. Он подсел ко мне и тихо спросил:

– Ты же уже все решила? Зачем спектакль устраиваешь? Они же сейчас передерутся за право быть героем.

Я усмехнулась, глотнула еще чая:

– Они должны почувствовать себя живыми...

Дед неопределенно хмыкнул. Я поднялась и пошла в шалаш, посмотреть, как там Наталья с раненым управляется. Ее подопечный лежал на подстилке из папоротника и тяжело дышал. А Наташка сидела рядом с ним на корточках и тихонько плакала. Увидев меня, она поспешила вытереть слезы и придать своему лицу выражение бодрой готовности ко всем дальнейшим ударам судьбы. Маленький боец с большим мужеством в сердце. У меня сердце сжалось, глядя на ее перепачканное лицо и заплаканные глаза.

– Как он, Кузнечик?

Это прозвище очень подходило к Наталье. Так называли ее самые близкие друзья. Наташка шмыгнула носом и ответила бодрым голосом:

– Он выпил твоего отвара. Не очень много, но выпил. А сейчас лежит и все время стонет. Я боюсь. Он... он не умрет?

Последний вопрос прозвучал очень тихо и испуганно. Я поспешила ее заверить, что никто не умрет и, что все будет хорошо.

– Если бы мне это сказал кто-то другой, я бы подумала, что меня просто успокаивают. А тебе я верю. Если ты так

говоришь, значит так и будет.

Она на меня смотрела с легкой грустью и в ее глазах сейчас была мудрость и понимание. У меня к горлу подступил комок. Я отвернулась от Натальи, сделав вид, что осматриваю ногу у раненного. Маленькая ладошка легла мне на руку.

– Ты не бойся. Мы вместе. Ты обязательно что ни будь придумаешь, а мы все поможем. И я, и мальчишки. Мы выберемся. Обязательно.

Маленькая мудрая женщина. Она сердцем все видела и все понимала. Теплая волна благодарности залила меня. Я тоже начала шмыгать носом. Черт! Только этого не хватает! Сейчас мы с ней в голос разрыдаемся. А кто о деле будет думать? Я разозлилась на себя и постаралась взять в руки. Деловитым голосом с преувеличенной бодростью я начала ей перечислять, что нужно делать, чтобы сбить жар у пилота. Она только молча кивала. Но в ее глазах продолжала жить... жалость. Я выбралась из шалаша и подошла к костру. И как раз вовремя. Жаркие споры за право быть героем стали приобретать контуры скорой потасовки. Я села у костра и заговорила тихим голосом. Споры сразу стихли.

– Никто никуда не идет. Ни у одного из вас нет компаса в голове. И существует много, очень много шансов, что тот из вас, кто пойдет, обязательно заблудится. Я не могу идти, потому что вы не знаете трав и не можете лечить раненного. А без этого он просто умрет. И вообще, разделяться в тайге – не самая лучшая идея. Здесь выжить можно только вме-

сте. Поэтому, я думаю, что самым разумным будет остаться на один день здесь. Я думаю, что мне удастся сбить жар у него за сутки. А там видно будет. А теперь давайте все спать. День был не самым легким. Дежури́м по графику, как и в прошлую ночь.

Андрей расхохотался в голос.

– Сказала, как припечатала. А мы тут глотки рвем...

Серега хмыкнул:

– Дежури́м как в прошлую ночь? Здорово! Тогда все спят, а ты нас опять караулишь. Ты что, думаешь, что ты из железа?!

Он начинал злиться.

– Да нет, Сереж, я не из железа. Но сегодня у нас на руках раненый. Я так и так спать не буду. А потом меня Наталья сменит. Тогда я вас кого ни будь разбужу. Не волнуйся, всем хватит.

Я попросила, чтобы раненного перенесли ближе к костру. Ребята натаскали лапника с папоротником и устроили пилота поудобнее. Вадим принес мне воды в туюске. И все пошли в шалаш спать. Я осталась сидеть у костра одна. На меня вдруг накатила такая волна отчаяния и безнадежности, что я чуть не завывала в голос, как волк. Они все верят мне, они все надеются на меня. А я не могу, ничего не могу! Я боюсь, боюсь так, что готова ринуться в тьму ночи не разбирая дороги! От собственного бессилия я хотела кричать, плакать, впасть в истерику, спрятаться в глубокую нору, как

затравленный зверь! Я закусила губу так, что почувствовала во рту соленый вкус собственной крови. В голове стоял туман. Я не могла думать. Страх и отчаяние заполнили меня до края, грозя утопить в своих мутных водах. Я уже начала захлебываться их зловонной жижей. И крик, порожденный этим ужасом, уже был готов вырваться, чтобы заполнить все пространство вокруг меня. И тут я, почти не понимая, что делаю, схватила ладонью горящую головню из костра. Боль хлестанула меня, как цыганским бичём, заставив вскочить на ноги. Ладонь сразу покрылась волдырями от ожогов. Я сразу пришла в себя. Черт! Что я вытворяю! Нашла время для своих истерик! Дойдем домой там блажи, сколько хочешь. Я была зла на себя. И эта злость помогла мне взять себя в руки, успокоится. Я выпила холодной воды из туеска и окончательно пришла в себя. Нужно заниматься делом. Человек рядом со мной умирает, а ты решила бояться! Сначала выполни, что должна, а потом бойся, сколько хочешь! Я взяла котелок и подошла к лежащему. Напоив раненого отваром клюквы, я села рядом с ним и положила его голову себе на колени. Я постаралась отключить свое сознание от окружающего меня мира. Попыталась прогнать из головы всякие мысли. Положив руки ему на горячий лоб, подняла свою голову к звездному небу. Звездный свет вошел в меня и заполнил собой все мое сознание. Он был чистый, белый и прохладный. Я мысленно послала его исцеляющие лучи в человека, голова которого лежала на моих коленях. Я стала с ним одним целым.

Его боль стала моей. Она раскаленным железом пронзила мое тело. Я сцепила зубы чтобы не закричать. Меня начало лихорадить. Голова закружилась и мне пришлось закрыть глаза. Я постаралась принять эту боль. Не сопротивляясь ей. Пропустить ее в себя, сжиться с ней. Я заговорила с ней, как с живым существом. Не стало времени, не стало всего окружающего мира. Остались только мое сознание и боль. Я плыла в каком-то серебристом тумане, и волны боли перестали захлестывать меня. Из бушующего яростного потока она постепенно превратилась в тихие спокойные волны медленной реки. Эти волны стали меня убаюкивать и уносить куда-то, в какое-то далекое ничто. Я очнулась от прикосновения чьей-то руки. На коленях возле меня стоял Игорь и держал меня за руку. Щеки мои были мокрые от слез. В голове звенящая пустота. Меня трясло мелкой дрожью. И я стала бессильно соскальзывать в благословенную темноту.

Глава 8

Очнулась я от тепла солнечного луча на моем лице. Я испуганно открыла глаза и попыталась быстро встать. Но тут же упала обратно на подстилку. Сердце забилося пойманной птицей у самого горла. А голова кружилась так, что я не могла понять, где в этом мире верх, а где низ. Я чувствовала себя опустошенной и разбитой. Как будто попала под колеса локомотива. Все тело болело. Тут же чьи-то заботливые руки приподняли мне голову, и я почувствовала на губах прохладу ароматного травяного настоя. Сделав несколько глотков, я открыла глаза и увидела над собой сияющее Наташкино лицо. Она смотрела на меня и повторяла, как заведенная: «Он очнулся, жара нет. Он очнулся...» Я не сразу сообразила о ком она говорит. Сознание ко мне возвращалось очень неохотно. Когда до меня наконец дошел весь смысл ее слов, я опять попыталась встать. Наталья встревоженно затарахтела: – Лежи, лежи. Тебе покой сейчас нужен.

Я не стала сопротивляться, только попросила ее рассказать, что произошло. Она склонилась надо мной и начала рассказывать чуть слышным шепотом. Сначала ребята услышали, как я стала стонать. Игорь вышел посмотреть, что происходит. Я сидела на корточках. Голова раненного пилота лежала на моих коленях. Мои руки лежали на его голове. Я раскачивалась из стороны в сторону и что-то тихо и быст-

ро говорила. Потом замолчала и застонала. Глаза были закрыты, а из-под ресниц текли слезы. Ребята испугались. Никто не понимал, что происходит. Меня окликнули по имени, но я не отзывалась. Тогда Игорь сел рядом и взял меня за руку. Это продолжалось около двух часов. Потом я резко очнулась. А потом потеряла сознание. Меня уложили у костра, и Дед всю ночь до самого утра просидел рядом со мной. А раненный пилот вдруг пришел в сознание и попросил пить. Наталья напоила его опять клюквенным отваром, и он уснул. Жар прошел. Он спал спокойно и дышал ровно. Никто в эту ночь не спал, кроме меня и раненого. Утром Саша сварил похлебку из оставшихся корней и банки тушенки. Пилот, которого звали Алексей, с большим аппетитом поел и опять уснул. А теперь мальчишки пошли на заготовку дров и на поиски чего ни будь съедобного. Саша сказал, что здесь должны быть грибы. В общем, жизнь налаживалась. Только за меня все сильно испугались. Но теперь я пришла в себя и все будет хорошо. Выслушав это странное повествование, я немного успокоилась. Все под контролем. И я могу еще немного поспать. Наташка принесла мне немного супа в котелке. Но есть я не хотела. Только попросила еще немного травяного отвара. Выпив залпом целую кружку сладковатого чая, я откинулась на душистый папоротник и сразу же провалилась в сон.

Я стояла на высокой сопке. А подо мной плескалась тайга. Ветер ласково обдувал мое лицо. Вдалеке тугим синим клуб-

ком собирались лохматые тучи. Приближалась гроза. Воздух пах озоном и смолистой свежестью. Молнии вспыхивали в этой синеве и уже было слышно голодное урчание громовых раскатов. Я любила грозу, она меня завораживала. Внезапно я почувствовала рядом с собой чье-то присутствие. Я оглянулась и безо всякого удивления, очень близко увидела его. Старик стоял рядом со мной и порывы поднимающегося ветра развивал его седые волосы. Он повернул ко мне голову, и я увидела его глаза. Они были зеленого цвета с желтоватой каемкой у самых зрачков. Как у рыси. И своим тихим шуршащим шепотом он сказал: «Молодец, девочка. Идите, как решила. Только в болото не суйтесь. Гиблое оно». Потом, немного помолчав, продолжил: «И не торопись. Не принимай поспешных решений. Опасно это». Он еще немного постоял рядом со мной. А потом стал спускаться с сопки, тяжело опираясь на свой посох. А я беспомощно смотрела в его удаляющуюся спину и опять не смогла ничего сказать. А тем временем, гроза подобралась совсем близко. Огненная стрела ударила в одинокую ель на самом краю вершины, расколов ее надвое. Дерево вспыхнуло, как огромный факел. Землю тряхнуло ударом грома. Звук эхом разлетелся на всю округу. И хлынул дождь. Он погасил горящую ель. Я подставила лицо его хлещущим струям, впитывая в себя каждой клеточкой бешеную силу грозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.